

Лин Чэнь, прижимая фотографию к груди, быстрым шагом вернулся в морг. Дверь комнаты со щелчком закрылась, и он едва успел вздохнуть с облегчением, как полупрозрачная фигура легко опустилась рядом с ним.

- Сяо Лин, хорошо, что ты вовремя подоспел, - с облегчением выдохнул Хэ Цзиньчжао. - Если бы портрет упал, это бы добром не кончилось.

- Хорошо, что ты это понимаешь, - Лин Чэнь осторожно положил фотографию на соседний стол и накрыл ее белой тканью.

Он только что передал предыдущих клиентов родственникам и еще не успел перевести дух и отдохнуть, как услышал шум из зала прощаний. Обычно он не обращал внимания на то, что происходит снаружи, но сегодня ситуация была особенная, поэтому он решил выйти посмотреть, что происходит, благодаря чему в последний момент удалось спасти положение.

Лин Чэнь повернулся, скрестив руки на груди, прислонился к столу и поднял взгляд на Хэ Цзиньчжао:

- Великий киноимператор, да что с тобой такое? Ты же взрослый человек, а не можешь справиться с ребенком?

Хэ Цзиньчжао заметил, что каждый раз, когда Лин Чэнь хочет его отчитать, он с иронией называет его «великий киноимператор», и это хорошее обращение Лин Чэнь почти превратил в оскорбление.

Но что поделать, на этот раз Хэ Цзиньчжао действительно был не прав.

Увидев, что Хэ Цзиньчжао молчит, Лин Чэнь удивился:

- Ты не собираешься ничего возразить?

- Нечего возражать, это действительно моя вина, - ответил Хэ Цзиньчжао. - Я боролся с девчонкой за фотографию, камера вдруг повернулась на нас, и я...

Лин Чэнь понял:

- Ты побоялся, что это будет слишком очевидно и тебя заметят, поэтому остановился?

- Дело не в этом, - честно признался Хэ Цзиньчжао. - Просто сработала профессиональная привычка: я хотел повернуться к камере той стороной лица, которая выглядит лучше.

Лин Чэнь:

- .....

Ему действительно хотелось одним ударом затолкать Хэ Цзиньчжао в кремационную печь.

Теперь, когда они отстояли фотографию, в зале прощаний временно стало тихо. Хэ Цзиньчжао выплыл и еще немного понаблюдал за происходящим. Он увидел, как сотрудники съемочной группы и Чжэн Линьлинь расставляют цветы и декорации, которые «сдуло ветром».

Съемка программы, казалось, возобновилась в обычном режиме, но атмосфера была крайне гнетущей. Кто-то тихо обсуждал тот «странный ветер», но режиссер быстро пресекла эти разговоры.

Хэ Цзиньчжао вернулся и пересказал Лин Чэню увиденное:

- Запись шоу продолжается, Чжэн Линьлинь немного побледнела, но все равно старается показать себя перед камерой.

- А где маленький призрак? - Спросил Лин Чэнь.

- Снова исчезла, - Хэ Цзиньчжао приподнял бровь. - Только что она боролась со мной, наверное, израсходовала немало сил и спряталась, чтобы поплакать.

Он специально говорил легкомысленно, но Лин Чэнь все же остро почувствовал, что что-то не так.

Лин Чэнь проанализировал:

- Ее поведение слишком необычно. Чжэн Линьлинь явно очень серьезно относится к этой работе, но при этом маленький призрак намеренно все портит. Это очень противоречиво.

- Действительно, - согласился Хэ Цзиньчжао. - Хотя она и маленькая, но не выглядит глупой. Нельзя просто так объяснять все детскими капризами.

Завтра утром состоится церемония прощания, и сегодня вечером Лин Чэнь будет работать сверхурочно, чтобы нанести грим дочери господина Гуаня. Маленький призрак точно не оставит это просто так, и, скорее всего, ночью она снова устроит неприятности.

У Лин Чэня и Хэ Цзиньчжао было сильное предчувствие: если она снова начнет действовать, это будет гораздо больше, чем просто «мелкие шалости», как только что.

- Сегодня вечером я останусь с тобой, - сказал Хэ Цзиньчжао. Лин Чэнь инстинктивно хотел отказаться, но мужчина перебил его: - Не отказывайся. Я знаю, что ты не хочешь, чтобы кто-то видел лицо умершего, пока ты наносишь грим. Я отвернусь и не буду смотреть. Но я ни за что не оставлю тебя здесь одного.

Лин Чэнь фыркнул:

- Ты что, действительно считаешь меня маленьким ребенком? И нужно, чтобы ты меня сопровождал?

- Но ты и есть маленький ребенок.

Лин Чэнь:

- ?

Хэ Цзиньчжао спросил:

- На сколько лет я тебя старше?

Лин Чэнь был в недоумении, но все же ответил:

- На пять.

- Когда я снимался в своем первом фильме, мне было пятнадцать, а ты только учился в четвертом классе начальной школы. Если ты не ребенок, то кто же тогда?

Лин Чэнь не знал, смеяться ему или плакать:

- Старший брат, что это за логика? По-твоему, даже если я доживу до девяноста пяти лет, в твоих глазах я все равно буду ребенком?

- Нет, не будешь, - ответил Хэ Цзиньчжао. - Когда ты доживешь до девяноста пяти лет, я уже семьдесят лет как перерожусь и мы будем друг другу чужими людьми.

Лин Чэнь:

- .....

Он помолчал несколько секунд, словно собираясь что-то сказать, но быстро прикусил губу.

Хэ Цзиньчжао, видя, что тот как будто хочет что-то сказать, но не решается, сам нарушил тишину:

- Почему молчишь? Тема слишком тяжелая? - Мужчина беззаботно улыбнулся: - Через примерно восемьдесят дней я уйду, разве мы с тобой не знали об этом уже давно?

Их встреча была словно начало календаря, только на этом календаре был напечатан обратный отсчет. С каждым днем они отрывали по одной странице, и когда будет оторвана сотая, это будет означать, что настал момент их расставания.

Хэ Цзиньчжао нарочно спросил:

- Или... Сяо Лин, ты уже заранее начал скучать?

- ... Нет, - наконец заговорил Лин Чэнь. - Я задумался об одном вопросе.

- Каком?

- Мне очень любопытно, откуда у тебя такая уверенность, что в следующей жизни ты снова родишься человеком?

Хэ Цзиньчжао:

- ...

- Судя по твоему раздражающему характеру, тебе лучше всего переродиться в попугая. Каждый день ты будешь смотреть в зеркало и кричать: «Зеркальце, зеркальце, кто в этом мире самый красивый попугай?», а если зеркало назовет имя другого попугая, ты с криком умрешь от злости. В таком случае за семьдесят лет ты успеешь переродиться семьдесят раз.

Услышав это, Хэ Цзиньчжао рассмеялся:

- Не волнуйся, если я перерожусь в попугая, первым делом прилечу к тебе с отравленным яблоком в клюве.

Они всю спорили, когда внезапно в дверь морга три раза постучали, нарушив их гармоничную атмосферу.

Лин Чэнь громко спросил:

- Кто там?

Неожиданно за дверью раздался женский голос:

- Лин-гэ, это я, Чжэн Линьлинь.

- ...

Лин Чэнь и Хэ Цзиньчжао переглянулись. В глазах обоих читалась настороженность.

Хэ Цзиньчжао кивнул Лин Чэню и сказал:

- Все в порядке, я здесь.

Тогда Лин Чэнь вытер вспотевшие ладони о форму и открыл дверь.

Чтобы сохранить тела в хорошем состоянии, в морге круглосуточно работал кондиционер, поддерживающий очень низкую температуру. Лин Чэнь уже привык к такому холоду, но, судя по всему, Чжэн Линьлинь, стоявшая за дверью, не была к этому готова. Как только дверь приоткрылась, ледяной воздух хлынул наружу, и Чжэн Линьлинь инстинктивно вздрогнула, обхватив себя руками:

- Ах, как здесь холодно...

Она не знала, что в ту самую секунду, когда она заговорила, до этого молчавший Хэ Цзиньчжао внезапно бросился на нее, ноготь его указательного пальца правой руки, резко став острым и тонким, устремился прямо к ее глазу - и остановился всего в одной десятой сантиметра от него.

- О? Даже в такой ситуации ты не выйдешь защитить свою хозяйку, маленький призрак? - С интересом спросил Хэ Цзиньчжао.

- ...

Никто не ответил.

Чжэн Линьлинь и не подозревала, что ей грозит опасность. Она посмотрела на стоящего перед ней Лин Чэня и искренне благодарила:

- Лин-гэ, только что в спешке я забыла поблагодарить тебя. Если бы ты не подоспел, в съемках произошла бы серьезная накладка.

Лин Чэнь спокойно ответил:

- Для вас это шоу, а для меня - обязанность достойно проводить клиента.

Стоявший рядом Хэ Цзиньчжао убрал руку, облетел Чжэн Линьлинь, остановился рядом с ней, слегка наклонился и посмотрел на ее левый карман:

- Маленький призрак, я знаю, что ты прячешься там. Дай угадаю, что ты такое? Талисман, брелок? Только не говори, что подвеска на телефон?

Но как бы Хэ Цзиньчжао ни пытался спровоцировать ее словами, девочка-призрак словно исчезла и никак не реагировала. Хэ Цзиньчжао попытался силой вытащить этот «талисман» из кармана Чжэн Линьлинь, но как только он приложил усилие...

Хлоп

Выпала помада.

Еще немного...

Хлоп

Пачка салфеток.

Еще чуть сильнее...

Хлоп

Капли для глаз.

Чжэн Линьлинь воскликнула:

- Ой, почему все выпало!

У стоявшего напротив и наблюдающего за всем этим Лин Чэнь дернулся глаз.

- Может, карман порвался?

Когда Чжэн Линьлинь присела, чтобы поднять вещи, Лин Чэнь беззвучно, одними губами, сказал Хэ Цзиньчжао:

- Ты что, кот? Видишь что-то, и сразу же должен скинуть это на пол?

Хэ Цзиньчжао выглядел совершенно невинно:

- Я чувствую, что тот «талисман» находится у нее в кармане, но никак не могу его достать.

- Тогда не доставай! - Лин Чэнь провел рукой по шее и беззвучно приказал: - Веди себя прилично!

Но он еще не успел опустить руку, как Чжэн Линьлинь, закончившая подбирать вещи, подняла голову и увидела эту сцену.

Лин Чэнь:

- .....

- Э-э, Лин-гэ, ты исполняешь синьцзянский танец?

У Лин Чэня дернулся уголок рта.

- ...

Зато стоявший рядом Хэ Цзиньчжао неожиданно расхохотался:

- Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, почему я раньше не замечал, что у нее такое отличное чувство юмора?

Увидев, что Лин Чэнь не отвечает, Чжэн Линьлинь с некоторым смущением сказала:

- Извини, я просто хотела разрядить обстановку.

Лин Чэнь бросил взгляд на Хэ Цзиньчжао, который не мог перестать смеяться, а затем посмотрел на Чжэн Линьлинь:

- Поздравляю, тебе это удалось.

Чжэн Линьлинь:

- ?

Сколько она ни вглядывалась, но так и не увидела, чтобы Лин Чэнь улыбался.

В этот момент сотрудник технического отдела съемочной группы подошел, чтобы сообщить им, что привезли ужин.

Несмотря на то, что в кадре была только Чжэн Линьлинь, в съемочной группе насчитывалось около двадцати человек. Чтобы не мешать съемкам, они не ходили в столовую вместе с остальными сотрудниками, а каждый день повара из столовой доставляли им еду на трехколесном грузовом мотороллере.

Каждый обед был упакован в контейнер, и на двадцать человек было девятнадцать контейнеров.

- Почему только девятнадцать? - Невольно спросил Лин Чэнь.

Ассистентка Чжэн Линьлинь поспешила ответить:

- Лин-гэ, у нашей Линьлинь-цзе свой ужин.

С этими словами она достала со дна термосумки маленький контейнер, в котором оказались нарезанный помидор, разрезанный на четыре части сырой зеленый перец и бутылка из-под минеральной воды, в которую была налита странная серо-коричневая жидкость.

Под пристальным взглядом Лин Чэня, Чжэн Линьлинь взяла сырой зеленый перец, откусила кусочек, а затем открыла крышку бутылки и сделала глоток.

Лин Чэнь спросил ее, что она пьет.

Чжэн Линьлинь улыбнулась и ответила:

- Это овощной сок из горькой тыквы и капусты, на вкус довольно освежающий. Лин-гэ, хочешь попробовать?

Лин Чэнь поспешно отказался. Ему показалось, что у Чжэн Линьлинь и директора Суна должно быть много общего: директор Сун любит настаивать свое лечебное вино на странных насекомых, а Чжэн Линьлинь может невозмутимо пить странный овощной сок, так что они вдвоем могли бы пообщаться о методах приготовления зелий.

Лин Чэнь достал телефон и набрал сообщение Хэ Цзиньчжао:

- Те, кто призывает маленьких призраков, должны делать им подношения. Она же не станет

подносить ей это?

Хэ Цзиньчжао с серьезным видом ответил:

- Я слышал, что отказ от углеводов приводит к эмоциональной нестабильности...

Конечно, это были шутки. Пока Лин Чэнь ел, он все время украдкой наблюдал за Чжэн Линьлинь, но она выглядела совершенно нормально, непринужденно болтала с окружающими и совсем не походила на человека, сбившегося с правильного пути.

Внезапно зазвонил мобильный телефон режиссера-продюсера Чэнь, сидевшей рядом. Она отошла, чтобы ответить, и до слуха остальных донеслись обрывки фраз:

- Да, хорошо, мы уже почти готовы... Да-да, не торопитесь, будьте осторожны по дороге.

Повесив трубку, режиссер Чэнь сообщила всем присутствующим:

- Мне только что позвонила госпожа Гуань. Катафалк уже выехал из больницы, дорога займет примерно полтора часа.

Когда все услышали эти слова, атмосфера, до этого довольно веселая, внезапно стала тяжелой.

Наступила тишина. Все понимали, что это значит - через полтора часа они увидят «героиню» этой съемки, ту маленькую девочку, которая ушла из жизни в возрасте всего восьми лет.

Глядя на контейнеры в своих руках, все потеряли аппетит. Несколько сотрудников, у которых были жены и дети, вздохнули особенно тяжело.

- Так, ладно, всем собраться, - режиссер Чэнь хлопнула в ладоши, пытаясь поднять боевой дух. - Я знаю, что у всех плохое настроение, и эта тема действительно совершенно новый вызов для нашей программы. Господин Гуань и госпожа Гуань доверяют нам, поэтому они согласились, чтобы мы запечатлели на камеру их прощание с любимой дочерью. Мы обязательно должны оправдать их доверие. И еще, товарищ Сяо Лин, - она внезапно повернулась к Лин Чэню. - Спасибо тебе за помощь.

Лин Чэнь кивнул и не спеша поставил коробку с едой:

- Не стоит благодарности, это моя работа.

Режиссер Чэнь продолжила:

- Директор Сун сказал, что у тебя большой опыт, я... Эх, не буду скрывать, в моем возрасте я действительно бывала на нескольких похоронах, но все это были похороны старших родственников или, в крайнем случае, друзей и коллег, которые были старше меня. На похоронах ребенка я присутствую впервые, как и большинство наших сотрудников. Если мы что-то сделаем не так или нарушим какие-то табу, пожалуйста, сразу же нас поправь.

Чжэн Линьлинь тоже поспешно встала:

- Лин-гэ, надеюсь на твою помощь. Если нужно что-то сделать, пожалуйста, обращайся.

Лин Чэнь кивнул в знак согласия.

Присутствующие сотрудники постепенно разговорились на эту тему.

Кто-то спросил:

- У супругов Гуань только одна дочь?

- Да, единственная дочь, поэтому они так горюют.

- Мне кажется, они не очень старые, им разве больше сорока?

- Нет, просто они слишком много работают, поэтому выглядят старше. На самом деле супругам чуть за тридцать.

- Тогда они еще довольно молоды, могут завести еще одного.

- Да, действительно, можно завести еще одного...

Слушая эти разговоры, стоявший рядом Хэ Цзиньчжао помрачнел:

- О чем они говорят? Семья только что потеряла ребенка, а они уже говорят о том, чтобы завести еще одного. Это же не собака, чтобы потерял одну, и завел другую. Нет, даже с собакой так бездушно не поступают.

Он думал, что Лин Чэнь его поддержит, но тот неожиданно покачал головой и тихо сказал ему:

- Ты не понимаешь.

Хэ Цзиньчжао был очень удивлен:

- Сяо Лин, ты же не согласен с ними, верно? Заменить одну жизнь другой? А что тогда будет со вторым ребенком?

Лин Чэнь поднял глаза на парящего в воздухе мужчину, и, чтобы не привлекать внимания окружающих, прошептал:

- Я действительно не согласен, но люди очень сложные существа. Когда родители теряют ребенка и когда ребенок теряет родителей - это две совершенно разные травмы.

- Потерять родителей - как срубить старое, уже умершее дерево. Ты сам срывал с него плоды и видел, как оно буйно зеленело. Ты наслаждался его тенью, и даже если оно умерло, ты не забудешь, каково это - отдыхать под его сенью.

- Но прощание с ребенком - это как выкорчевать еще не выросшее деревце. Ты бесчисленное количество раз представлял себе, как на нем гнездятся птицы, но ты уже никогда не сможешь дождаться весны, когда птицы прилетят. Та яма от дерева останется там навсегда, и даже если ее засыпать, ты все равно будешь об этом помнить. Только посадив новое дерево, наблюдая, как оно постепенно растет, защищая от насекомых и удобряя его, ты сможешь почувствовать удовлетворение.

- Ты думаешь, они просто посадят новое дерево? Нет, они посадят надежду на будущее.

Хэ Цзиньчжао онемел.

Он хотел что-то сказать, но вдруг осознал: чем больше он говорит в присутствии Лин Чэня, тем очевиднее становится его незрелость.

Эта незрелость заключалась не в возрасте, а в жизненном опыте.

Лин Чэнь видел слишком много слез, страданий и прощаний, и всегда вел себя сдержанно. Это было не безразличием, а уважением к смерти и новой жизни.

Увидев задумчивое выражение лица Хэ Цзиньчжао, Лин Чэнь опустил голову и продолжил есть. В отличие от других сотрудников, которые не могли насладиться едой, он давно научился справляться с негативными эмоциями, вызванными смертью.

Разговор сотрудников перешел с супругов Гуань на следующую тему.

- Честно говоря, иметь несколько детей - это хорошо. У моей жены трое братьев и сестер, и когда теща лежала в больнице, они по очереди ухаживали за ней.

- А я считаю, что лучше иметь одного ребенка. Мой сын сейчас учится во втором классе

средней школы, если за ним не следить, он совсем распоясается. Мне и одного хватает, чтобы понервничать, а если бы появился еще один, я бы точно сошел с ума.

- Лучше быть таким, как я, и не заводить детей! Мне хватает моей кошки.

Все рассмеялись, и атмосфера постепенно разрядилась.

- Кстати, - режиссер Чэнь обратилась к Чжэн Линьлинь, которая долгое время молчала. - Линьлинь, сколько в твоей семье детей? Ты единственная дочь?

Чжэн Линьлинь помедлила, а потом ответила:

- Я единственная дочь, но... У меня должна была быть младшая сестра.

Ее голос был негромким, но как только прозвучали слова «должна была быть», все вокруг навострили уши. Люди из шоу-бизнеса любят сплетни, особенно если они касались знаменитостей.

Хэ Цзиньчжао тоже мгновенно насторожился - он ясно почувствовал, что таинственный предмет, спрятанный глубоко в кармане Чжэн Линьлинь, начал беспокойно двигаться.

Он повернулся к Лин Чэню:

- Ты видел?

Лин Чэнь кивнул.

Он видел, как из левого кармана Чжэн Линьлинь исходил слабый свет - не яркий, теплый свет, а... Плотная тьма, черная, словно тушь.

Никто из присутствующих ничего не замечал. Чжэн Линьлинь сидела, перед ней был ее овощной диетический обед, в ее голосе слышалась нарочитая небрежность:

- Мой отец мечтал только о мальчике. Когда мама забеременела вторым ребенком, он специально пошел к врачу, чтобы узнать пол, и, узнав, что это снова девочка, потребовал сделать аборт, угрожая разводом, если она не согласится. Казалось, во всей семье только я и мама ждали появления сестры.

- .....

- В то время в доме почти каждый день были ссоры. И вдруг однажды мама сказала мне, что у

меня больше нет ни отца, ни сестры.

- .....

Один из сотрудников-мужчин ляпнул:

- А? Почему, раз сделали аборт, потом развелись?

На его взгляд, раз уж сделали аборт, то супруги могли бы и дальше жить вместе, пусть и со ссорами. А раз развелись, то второго ребенка вполне можно было бы воспитывать в одиночку.

Едва он это произнес, как окружающие его женщины одновременно бросили на него гневные взгляды:

- Если не понимаешь - заткнись. Этот разговор не для мужиков.

Присутствующие сотрудницы смотрели на Чжэн Линьлинь с сочувствием. Через нее они могли увидеть ту сложную ситуацию и тот выбор, с которыми когда-то столкнулась мать Чжэн Линьлинь.

- В общем, вот так, - на лице Чжэн Линьлинь появилась улыбка, но она была вымученной и натянутой, словно, рассказав эту историю перед всеми, она могла избавиться от нее, как от груза, и заполнить пустоту в своей душе. - Я единственная дочь, в семье только я и мама. Кстати, позже я сменила фамилию.

Пока она говорила, вилка в ее руке бессознательно тыкала в помидор. Сок помидора стекал по краям контейнера, пачкая ее пальцы, и на первый взгляд казался кровью.

Ассистентка поспешила подать ей салфетку, чтобы она вытерлась.

Но Хэ Цзиньчжао и Лин Чэнь не обращали внимания на красные пятна у нее на пальцах.

Потому что ее уже поглотила та плотная тьма.

<http://bllate.org/book/14930/1593596>